

ХЕЛЕН
ГУДА

ДВА
ПРАКОНА
ДЛЯ
СИРОТКИ

Хелен Гуда

Два дракона для сиротки

<https://litres.ru/74697432>

Аннотация

От меня хотят избавиться. А все потому, что оказалась не в том месте, не в то время и увидела то, что мне совсем не предназначалось. Теперь я прячусь в магической академии, пытаюсь стать тихой и незаметной. Но в первый же день оказываюсь в центре внимания. А два старшекурсника-дракона, которых обязали присматривать за мной, явно не так понимают значение этого слова. Только что они сделают, если правда всплывет и меня найдут? Смогут ли защитить?

#МЖМ

#ГОРЯЧО И СТРАСТНО

#МОЛОДОСТЬ И МАКСИМАЛИЗМ

#НЕУНЫВАЮЩАЯ ГЕРОИНЯ И ДВА ДРАКОНА МАЖОРА

#ХЭ

Остальные книги ЛитМоба можно прочитать здесь -

Содержание

Пролог 1	4
Глава 1.	10
Глава 2.	24
Глава 3.	42
Глава 4.	55
Глава 5.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пролог 1

– Почему ты еще не избавился от нее? – голос директрисы детского дома звенит от злости. – Сколько она еще будет мне здесь глаза мозолить?

– Ну, она везучая, – слышу голос нашего физрука, и глаза готовы на лоб полезть, но я зажимаю себе рот, чтобы нечаянно не выдать себя. Сажу под столом, сжавшись в комочек, и боюсь даже пискнуть. – Ты же видишь, что из всех случаев, которые я подстроил, она вышла сухой из воды.

– Зато я отписывалась по ним неоднократно, – упрекает директриса мужчину. Судя по шорохам и звукам, что раздаются над столом, Денис Витальевич полез поцелуями просить прощения за то, что кого-то не устранил. Интересно – кого? И что значит “устранил”? Неужели речь идет об убийстве?

– Ну ты что, Денис, – слышу я уже подобревший голос Анжелики Михайловны, – ну ты чего. А если кто зайдет?

– Так я дверь закрою, – слышны шаги и щелчок дверного замка. – Давай, Анжел, по-быстрому. Я так тебя хочу, – и тут до меня доходит, чему свидетелем я становлюсь. Ебушки-воробушки, да они же сексом собрались заняться!

Словно в подтверждение моих слов, в кабинете раздался характерный шорох одежды, звуки поцелуев, а когда руки с алым хищным маникюром обхватили столешницу и раз-

дались недвусмысленный шлепки, и бедный стол стал ходить ходуном у меня над головой, я поняла, что не ошиблась в своих предположениях. Физрук детского дома Денис Витальевич трахает на столе директрису этого самого детского дома, Анжелику Михайловну, поборницу чести и морали всех своих воспитанниц. Я еле сдерживаю рвотный позыв. Если я выдам себя, мне не поздоровится. Мало того что прячусь под столом, так еще и стала свидетельницей интимных утех директрисы и физрука.

– У тебя месяц... ох, еще... да, Денис... еще... сильнее, – стонет директриса.

– Не волнуйся, Анжел, на крайний случай я ее просто подкараулю, когда она к общаге идти будет, и кирпичом по голове... Я сейчас кончу.

– Чтоб через месяц Алферовой не было в живых, иначе ты свою долю денег не получишь, – на выдохе произносит женщина, видимо, тоже кончив, потому что после пары мощных толчков издевательство над многострадальным столом прекратилось. Раздался шорох поправляемой одежды, шелест упаковки влажных салфеток, что лежали на столе у директрисы.

– Ты уверена, что без мокрухи никак? – уточняет физрук, а я боюсь вздохнуть, потому что Алферова – это я. И это сейчас они про меня говорили.

– Слушай, я и так все взяла на себя! – снова начинает заводится Анжелика Михайловна. – Доверенность у меня на

руках, заявление о вступлении в права наследования я подала, завещание девченка написала, сама не подозревая об этом. Если кто начнет копаться в этой истории, то я первая подозреваемая! – злится женщина, а мимо меня пролетает влажная салфетка и метко попадает в мусорное ведро. – Тебе останется только грохнуть девку.

– Ничего себе “только”, – тоже злится физрук. – Это вообще-то убийство, если что. За него срок о-го-го, не то что за твои махинации с наследством девчонки. У меня, в отличие от тебя, совесть есть.

– Дениска, – директриса тут же меняет гнев на хитрость, понимая, что напором ничего не добиться. – Если это дело выгорит, то тебе на счет упадет такая цифра с таким количеством нулей, что твоя совесть уснет мертвым сном.

– Ладно, я подумаю, что можно сделать, – бурчит мужчина, и снова раздаются шаги и щелчок дверного замка. – Не дави на меня. Я все же попробую подстроить несчастный случай, чтоб менты не стали искать виновника.

– Ты уж постарайся, – отвечает женщина, и дверь закрывается. Я остаюсь с директрисой наедине в кабинете. – Вот же тварь везучая. Ну вот откуда у нее такое наследство?

Меня подмывает вылезти из-под стола и ответить этой мегере что-то язвительное, но инстинкт самосохранения кричит, чтобы я сидела и не отсвечивала. И я сижу и прижимаю к себе папку со своим личным делом, очень надеясь, что Анжелике Михайловне оно не понадобится. А еще не понадо-

бится садиться за свой стол, так как в этом случае мое убежище будет рассекречено.

Слава богу, что директриса не долго находилась в кабинете и спустя буквально пять – десять минут его покинула, иначе я бы просто не смогла выпрямить ноги и уползти из него. Они у меня так затекли, что пришлось их немного помассировать. Вот и сходила, называется, за приказом в кабинет директора, чтобы подготовить новые учебные пособия для воспитанников. Но оно и к лучшему. Я не из тех, что прячется от проблем. Я та, что смотрит правде в лицо и не сует голову в песок.

В голове зреет план, и реализовать его надо максимально быстро, чтобы все успеть. Засовываю свое личное дело обратно в папку, из которой я его достала. Вот только свой паспорт и письмецо о наследстве прихватываю. Это добро мне пригодится. Дальше я судорожно роюсь в столе директрисы. Еще перед Новым годом все наши воспитанники проходили тест на магические способности. У некоторых из них они были обнаружены. Но директриса – то ли из вредности, то ли от природного говнетизма – ни одному прошедшему тест и получившему приглашение на обучение в магическую академию это приглашение не отдала. Все воспитанники выпустились и разъехались, даже не подозревая, что могли бы сейчас обучаться в магической академии и жить на полном пансионе. А все потому, что она считает это объединение миров, магического и нашего техногенного, каким-то бредом и

фикцией. В общем, она ярый оппозиционер произошедшего объединения. Она и меня убедила, что это бред и мошенничество какое-то. Да и как я буду обучаться в магической академии и стоять в очереди на квартиру в нашем техногенном мире, когда она, очередь, вот-вот подойдет? Именно для решения этих бюрократических проволочек я и дала ей доверенность. А по неопытности и потому, что доверяла женщине, которую искренне считала доброй и проявившей ко мне участие, не особо вчитывалась в текст этой доверенности. Да и написана она сухим, козым языком, в котором я совершенно не разбираюсь. Да, она мне казалась идеалом: не выпроводила из детского дома, после того как исполнилось восемнадцать, а предложила место библиотекаря и помогла выбить место в общежитии, помогала в получении квартиры. Хотя теперь-то я понимаю, что все она делала не по доброте душевной, а потому, что рассчитывала на крупную выгоду. Первая мысль – это пойти в полицию. Но что я могу предоставить в качестве доказательств? Есть только мои слова и слова директрисы, и я смело предположу, что ее доводы будут иметь больший вес, чем мои. За ней статус и авторитет. А я только лишь чудом не попала в свое время в колонию, потому что обостренное чувство справедливости толкало меня на множество необдуманных поступков, которые влекли за собой последствия, порой даже уголовно наказуемые. Поэтому я принимаю другое решение, а именно – сбежать.

Нахожу пригласительные в нижнем ящике стола и перечитываю фамилии. Вот оно и мое! Хватаю его и сую в карман к паспорту и письму о наследстве. Под пригласительными замечаю какую-то папка с той же эмблемой, что и на пригласительном. Наверное, это необходимые для поступления в магическую академию документы. Что ж, возьму на всякий случай. Оставляю на столе и в ящике все ровно так, как и было, и осторожно покидаю кабинет директрисы, повернув рычажок изнутри и просто с силой захлопнув дверь.

На то, чтобы написать записку и повесить ее на дверь библиотеки, уходит пять минут. Затем я бегу в общежитие и собираю свой нехитрый скарб. Вещей у меня немного, так как денег на шопинг у меня банально нет. На зарплату библиотекаря в детском доме сильно не разгуляешься. Напяливаю на себя широкие джинсы, гигантскую толстовку и кепку и, закинув на плечи рюкзак со всем своим имуществом, спешу окольными путями к остановке около психбольницы. Именно там останавливается автобус, который курсирует между мирами.

Глава 1.

– Вы опоздали, – произносит строгая дама из приемной комиссии. – Прием документов для вступительных экзаменов завершен.

– Но как? – к такому я просто не готова. Я ожидала чего угодно, но только не этого. Я даже успела успокоиться, пока ехала в двухэтажном автобусе со странными молодыми людьми, которые, кажется, только что покинули психбольницу и решили не мудрствовать, а отправиться в магический мир. Так сказать, сойти там за своих.

– Вот вы где проходили проверку на наличие магии? – устало спрашивает дама, снимает очки-полумесяцы и трет переносицу.

– В детском доме, – осторожно отвечаю, словно она сейчас меня туда обратно и отправит.

– Ну так вот, – даму словосочетание “детский дом” никак не впечатлило и не заинтересовало, поэтому она продолжает вещать, смотря куда-то в сторону. – Вот, значит, от детского дома должно быть сопроводительное письмо. Где оно?

– Не знаю, – честно отвечаю и тут же вспоминаю про папку, прихваченную из ящика стола директрисы. На ней герб академии, и, может, в ней и лежат эти самые сопроводительные письма. – Секундочку, – скидываю со спины рюкзак и роюсь в нем. Не могу найти эту папку и начинаю паниковать.

Неужели я ее не захватила? А нет, вот она. Достаяю и открываю. И не успеваю даже прочесть, что за документы там лежат, как дама успевает это сделать раньше меня.

— Ну вот же, — она берет верхний лист. — Что вы мне голову морочите! — раздражается женщина еще сильнее. — А говорите — нету.

— Извините, — бормочу и строю самое придурковатое лицо, но, судя по тому, как взметнулись брови дамы вверх, с придурковатостью я переборщила.

— У вас здесь, — и женщина вытаскивает из папки еще пару листов, — все документы для поступления без экзаменов на льготном основании и получения повышенной стипендии.

Молчу, потому что понятия не имею, что ответить. Любая моя реплика даст понять этой строгой даме, что я понятия не имею, что нужно для поступления, и тем более не знаю, что находится в этой папке. А и сейчас не знаю, так как, судя по всему, остальные документы, что остались в ней, ко мне и моему поступлению никакого отношения не имеют. Но, похоже, имеют отношение к другим воспитанникам детского дома. Надо мне эту папочку изучить на досуге повнимательнее, а пока что убрать ее так, чтобы не потерялась.

Пока стою и обдумываю, во что я вляпалась, дама водрузила очки на место и принялась заполнять документы.

— К вам приставят наставника, который будут вам помогать во всем, — произносит женщина, видимо, заполнив все необходимые бланки и документы.

– Наставник? – переспрашиваю удивленно.

– Да, так положено, – хмурится собеседница. – Что касается общежития, то мест нет.

– Как нет? – надеюсь, что мне послышалось. – Где мне жить?

– Не знаю, – пожимает плечами. – Можете уточнить у директора академии.

– Мне уточнить? – переспрашиваю я удивленно.

– Ну, конечно же, вам! – снова таращит глаза дама. – Это же вам негде жить, не мне.

– А где мне его найти? — я ничего не понимаю в этом мире. Какое-то непонятное делегирование обязанностей, при котором распределением общежития занимается аж директор академии. Ну ничего, я не робкого десятка. Схожу, значит, к директору, раз такое дело.

– В его кабинете, – отвечает дама, и мне очень хочется назвать ее “Капитан очевидность”.

Следующим вполне логичным вопросом будет, где его кабинет, но дама, предвидя его, встает, недовольно поджимает губы и, окинув меня оценивающим взглядом, велит идти за ней. Я плетусь следом, мысленно усмехаясь. Вид у меня был такой, что шокирует любого неподготовленного зрителя. А в этом мире, где девушки носят платья в пол с кринолинами, мои широкие джинсы, толстовка на пять размеров больше меня и ботинки, которые я любовно называю “говнодавы”, вызывают шок. Вот и строгая дамочка в очках впечатлилась.

Я иду по лабиринтам коридоров академии, и всюду на меня косятся, как на еще одно чудо света. Странно. В своем мире я в этом наряде слилась бы с толпой, в этом же все наоборот. Натягиваю капюшон на голову, кепку пониже, ссутуливаюсь и чешу за дамочкой, которая привела меня наконец-то к кабинету директора.

Это место сразу производит впечатление. Как, впрочем, и вся академия. Здесь нет обшарпанных стен, выкрашенных зеленой краской, здесь ты словно в сказку попадаешь, где есть принцессы и драконы. К слову, про драконов. В путеводителе, что нашла в салоне автобуса, я прочитала, что они реально здесь есть. Выглядят как люди, а на деле драконы.

Мы топчемся в приемной, а секретарь, сообщивший нам, что директор сейчас занят, беззастенчиво пялится на меня. От его взгляда становится еще более неприятно. Я отхожу в сторону, так, чтоб секретарю пришлось шею изогнуть, как гусю. А так как это выглядело бы очень нагло, то он вынужден отвернуться и уставиться в свои документы, разложенные у него на столе. Ну и правильно, пусть хоть немного делом займется, а то глаза уже сломал, рассматривая меня.

С моей новой точки обзора, которая расположена довольно близко, слышны голоса, доносящиеся из кабинета директора. Полностью все разобрать мне не удастся, но понятно одно: он кого-то распекает не на шутку. Затем вклинился женский голос, который словно бы пытается успокоить, а затем снова мужской, но уже более взрослый. Сколько там по-

сетителей, интересно?

На этот вопрос я получаю ответ буквально через минуту, так как дверь открывается и выходит семейная пара. Мужчина с сединой на висках одет, как здесь принято, в удлиненный пиджак, чем-то напоминающий фрак, и женщина в кружевном платье в пол с пышными юбками. За ними вышли два парня. Блондин и брюнет, но настолько похожие при этом, что сразу же понимаешь: это братья. И замыкает процессию высокий темноволосый мужчина.

– Миссис Роузвуд? – обращается к даме из приемной комиссии тот, что, скорее всего, и был директором этого славного учебного заведения. Мужчина сразу же замечает и меня в приемной. Взгляд у него пронзительный, изучающий, будто сканирует насквозь. – И чем могу быть полезен столь... необычной посетительнице? – это уже, видимо, он имеет в виду меня.

Миссис Роузвуд бросает на братьев суровый взгляд, больше слов говорящий. Затем она протягивает директору мою папку.

– Директор Торн, – произносит она четко, не смотря на меня, – к нам поступила девушка, сирота. Документы в порядке, поступила на льготных основаниях. Но есть две проблемы. Первая – она из техногенного, немагического мира, следовательно, ничего не знает о нашем. Ей положено общежитие, но...

Она запинаясь, бросив еще один осуждающий взгляд на

парней.

– ...благодаря выходке этих... лоботрясов, – подчеркивает она, – резервные комнаты женского общежития в настолько плачевном состоянии, что абсолютно непригодны к заселению. Девушке негде жить.

Я под ее взглядом съеживаюсь. Все, что я хочу, – исчезнуть.

– И вторая проблема, – продолжает миссис Роузвуд, не давая мне времени перевести дух. – Все достойные кандидатуры на роль куратора уже заняты. Взять девушку под свое крыло никто не изъявил желания.

Тишина в комнате становится ощутимой. Директор Торн с усталым лицом пролистывает мои документы. Женщина, стоящая все это время рядом со своим спутником, я так полагаю, супругом и отцом этих самых лоботрясов, вдруг выпрямляется и смотрит на сыновей. В ее глазах мелькает озорной огонек.

– Директор, – голос ее мягкий, даже ласковый, но чувствуется, что спорить с ней не стоит, – если вы позволите, у меня есть идея для наказания этих самых “лоботрясов”, и для решения обеих проблем мисс...

– Меня зовут Вероника Алферова, – произношу я, стараюсь выглядеть презентабельнее. В моем виде это, конечно, сложно, но я откидываю капюшон и выпрямляюсь.

– ...мисс Вероники, – повторяет она, улыбнувшись мне ободряюще. – Что, если вы возложите на моих сыновей обя-

занность быть кураторами мисс Вероники? Они будут отвечать за ее адаптацию в нашем мире, помогать во всем. А пока они своими руками восстаноят женское общежитие, – тут ее голос становится жестче, – мисс Вероника может пожить в нашем доме.

В комнате наступает молчание, нарушаемое только моим быстрым дыханием. Директор Торн хмурится, потом смотрит на женщину, затем на парней, которые, кажется, только сейчас осознали всю глубину того места, куда они влипли. Даже секретарь и миссис Роузвуд, которая, казалось, была способна только хмуриться, замерли в ожидании вердикта.

– Хм... – протягивает директор, почесывая подбородок. – Довольно оригинально, миссис Райдер. И, признаться, весьма справедливо. Как смотрите на это, мистер Райдер?

– Леонора предложила хорошее наказание. Пусть они поймут, что такое – нести ответственность. Если и это их не заставит взяться за ум, то тогда я лично заберу их из академии.

Я хочу возмутиться, потому что мне как бы не нужны ходячие косипоры в виде наставников – это раз. А во-вторых, я как бы не домашний зверек, которого заводят, чтобы ребенок научился заботиться о нем, кормить и чистить вовремя лоток.

– Кайл, Лиам, что вы скажете на это? – обращается к студентам директор Торн.

Блондин, Кайл, как я поняла из обрывков разговора до

этого, кривится. Брюнет, Лиам, хранит молчание, прожигая взглядом стену.

– Вижу, что вы единодушно рады, – усмехается директор. – Тогда поздравляю вас с наставничеством. Первым делом девушке надо сходить и получить форму. И уже завтра я жду вас троих на занятиях.

Директор Торн поворачивается ко мне, и его строгий взгляд немного смягчается.

– Мисс Алферова, – произносит он, – если вы почувствуете, что ваши новые кураторы не справляются со своими обязанностями, если вам будет нужна помощь или совет, обращайтесь ко мне без стеснения. Я всегда готов выслушать и помочь. Добро пожаловать в Академию Дракона. Искренне надеюсь, что ваш учебный год будет успешным.

Он слегка улыбается, и напряжение немного отступает. Все-таки не все так плохо, раз директор лично пообещал поддержку.

Братья Райдер переглядываются. В их взглядах читается раздражение и нескрываемое недовольство. Кайл фыркает и бросает через плечо, устремляясь к двери:

– Иди за нами, – произносит и даже не смотрит, иду ли я за ним или нет.

Лиам молча кивает в сторону двери. Они оба разворачиваются и направляются прочь из кабинета. Я колеблюсь секунду, потом закидываю на спину рюкзак и плетусь за ними.

– Мы будем ждать вас дома, – произносит мать парней

нам в спину. – Куда мы идем? – спрашиваю я минут через пять. Коридоры академии кажутся бесконечными. Братья идут быстро, не обращая внимания на меня, и я еле успеваю за ними. Они высокие, широкоплечие, и в их манерах чувствуется уверенность, граничащая с наглостью. Интересно, что они натворили, раз заслужили такое наказание?

– Идем за нами, сиротка. Надо тебя хоть как-то прилично одеть, а то, боюсь, преподаватели в обморок попадают от твоих одежек, – бросает Кайл насмешливо, окидывая меня взглядом с ног до головы. Наконец мы сворачиваем в узкий коридор и начинаем спускаться по крутой лестнице в подвал. Становится заметно прохладнее и сыро. Стены покрыты мхом, а в воздухе витает запах затхлости.

– Пришли, – бурчит Кайл, толкнув дверь с надписью "Хозяйственный блок". Помещение оказывается большим и загроможденным. Полки тянутся до самого потолка, заполненные одеждой, обувью, книгами и другими вещами. За прилавком сидит толстая женщина с добрым лицом.

– О, Райдеры, что привело вас в столь поздний час? – спрашивает она, оторвавшись от вязания.

– Нам нужна форма для новенькой, – отвечает Лиам, ткнув в мою сторону пальцем. – И список необходимых принадлежностей. Женщина окидывает меня оценивающим взглядом и улыбается.

– Ах да, слышала про девчущку из другого мира. Забавно. Сейчас все будет, – она проворно встает и начинает копаться

в завалах на полках. Через несколько минут она выкладывает на прилавок стопку одежды и листок бумаги. – Вот форма, размеры, думаю, подойдут. Если что, принесете назад, подгоню. А вот список всего необходимого. И первая стипендия, – она протягивает мне небольшой мешочек с монетами. – Поздравляю с поступлением, детка.

Я благодарно киваю, рассматривая одежду. Форма красивая: салатовая юбка, белая блузка с кружевными манжетами и элегантный жакет с серебряной вышивкой.

– Спасибо, – пробормотала я, чувствуя себя немного растерянно. Кайл и Лиам переглядываются.

– Ладно, сиротка, – говорит Кайл, – бери это все и поехали. Думаю, матушка заждалась и приготовила уже ужин из шести блюд.

Я хватаю стопку одежды и мешочек с монетами, чувствуя на себе любопытные взгляды полной женщины. Она смотрит на меня с сочувствием, словно я зверушка, попавшая в капкан.

Кайл и Лиам уже стоят у выхода, переминаясь с ноги на ногу.

– Поехали, – бурчит Кайл, даже не удосужившись помочь мне с одеждой. Я понимаю, что галантности и учтивости от них не дождешься. Эти парни явно не в восторге от перспективы нянчиться со мной.

Мы выходим из здания хозяйственного блока и попадаем в суету внутреннего двора академии. Студенты снуют ту-

да-сюда, переговариваясь и смеясь. Многие из них бросают на нас любопытные взгляды. Чувствую себя как под микроскопом. "Сиротка и ее надзиратели", – вот как, наверное, мы выглядим в их глазах.

Я замечаю, что многие студенты уже одеты в такую же форму, как та, что сейчас у меня в руках. Значит, учебный год официально начался. Интересно, занятия уже идут? Кайл и Лиам выглядят явно не так, будто спешат на лекцию. Судя по их раздраженным лицам, каникулы закончились для них трагически. Что же они успели натворить в первый же день? И почему это так сильно повлияло на резервные комнаты женского общежития?

Забавно, что здесь учебный год начинается не в сентябре, как у меня дома, а в середине лета. Это удача, что я успела к самому началу. Саркастически усмехаюсь про себя: если бы директриса детского дома решила избавиться от меня чуть позже, я бы пропустила год.

Пока я размышляю над этим, нас окликает какой-то студент. У него нагловатое выражение лица и самодовольная ухмылка.

– Ну вы даете, Райдеры! – кричит он, оглядывая меня с головы до ног. – Теперь будете няньками у этой... у этой бледной поганки?

Кайл и Лиам мгновенно меняются в лице. Их глаза сужаются, а губы искривляются в зверином оскале.

– Пошел к дьяволу, гниющий тролль! – рычит Кайл, де-

лая шаг вперед. Лиам молча демонстрирует парню средний палец, украшенный массивным серебряным кольцом.

Парень отступает, бормоча что-то невнятное про "заносчивых аристократов". Напряжение повисает в воздухе. Я чувствую себя неловко, словно стала причиной ссоры. Эти братья Райдеры, похоже, умеют наживать себе врагов.

– Идем, что встал? – бросает кто-то из братьев, а второй, схватив меня под локоть, уводит со двора академии.

Мы только выходим за ворота величественного здания, как Кайл и Лиам останавливают проезжающую мимо карету, запряженную парой вороных лошадей. Они запрыгивают внутрь и вопросительно смотрят на меня. Я сглатываю, стараясь не выдать своего волнения. Да уж, никакой романтики. Никаких "позвольте помочь", никаких "после вас". Просто сухой взгляд, говорящий: "Залезай, если хочешь".

Информация предназначена исключительно для лиц старше 18+ лет

Любимые мои читатели, приглашаю вас в наш романтически увлекательный

ЛитМоб "Сердце дракона"

<https://litnet.com/shrt/7b0Z>

Никто из нас не думал, что в сердце вспыхнет любовь. Огненная и сметающая все преграды.

Теперь мое сердце - древний храм, в котором живет любовь к дракону

Пятнадцать историй о любви драконов ждут вас!

Глава 2.

Я нерешительно подхожу к карете. Она высокая и без посторонней помощи мне не забраться. Кайл закатывает глаза, явно демонстрируя свое раздражение, и протягивает руку. Хватка у него жесткая, дергает вверх слишком резко. Я теряю равновесие и, не удержавшись, налетаю прямо на него, чуть не задев бархатную обивку потолка кареты.

Его тело твердое и горячее. Запах... древесный, с нотками специй и еще чего-то неуловимо мужского. Он опьяняет. Сердце начинает бешено колотиться. Кажется, между нами пробегают электрические искры. Он на мгновение замирает, удивленный, но тут же отстраняется, сбрасывая меня, и я с силой плюхаюсь на сиденье.

Усевшись, я прилипаю взглядом к окну, пытаюсь скрыть румянец, заливший щеки. Город мелькает за стеклом, отличаясь от всего, что я когда-либо видела. Здания из светлого камня, с остроконечными крышами, переплетенные плющом и украшенные коваными балконами. Магические фонари, парящие в воздухе, освещают улицы мягким золотистым светом. Это... это все реально?

Братья сидят напротив, словно окаменели. Лица хмурые, плечи напряжены. Кайл смотрит в окно, словно я для него пустое место. Лиам сверлит взглядом свои начищенные до блеска сапоги. Спрашивать об общежитии и их проделках

сейчас точно не стоит. Атмосфера в карете и так наэлектризована раздражением, достаточно искры, чтобы вспыхнул скандал. Хотя странно, между мной и Кайлом определено что-то промелькнуло. Или мне показалось? Хотя, судя по их реакции, я им явно не понравилась.

Вскоре мощные улочки сменяются широкой аллеей, ведущей к огромным кованым воротам. За ними виднеется... нет, это невозможно! Особняк возвышается над деревьями, словно сказочный замок. Башни, шпили, узорчатые витражи – все дышит роскошью и властью. Вокруг раскинулся парк с фонтанами, статуями и причудливыми цветами, каких я никогда не видела.

Когда карета останавливается перед огромной парадной дверью, я чувствую, как учащается сердцебиение. Это не просто богатый дом, это... это демонстрация силы и влияния.

Дворецкий открывает дверь кареты. Пожилой мужчина с идеально выглаженным камзолом и серебряными волосами, уложенными в строгую прическу. Он смотрит на меня, и его глаза расширяются. Он быстро берет себя в руки, стараясь сохранить невозмутимый вид. Но я вижу, мой вид его шокирует. Моя одежда, растрепанные волосы, растерянное выражение лица... явный диссонанс с обстановкой.

Братья выходят из кареты, даже не взглянув на меня. Кайл лишь закатывает глаза на реакцию дворецкого.

– Добрый день, Бартоломео, – говорит Лиам тоном, не

терпящим возражений.

Из особняка выходит Леонора Райдер, если я правильно запомнила имя и фамилию этого семейства. Она уже переделась, на ней не то платье, что было, когда мы виделись буквально час назад в кабинете у директора Торна.

– Вероника, здравствуй, дорогая, – произносит она, подходя ко мне и протягивая руку. – Добро пожаловать в наш дом. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Я робко пожимаю ее руку. Ее прикосновение теплое и уверенное.

– Матушка, – перебивает ее Кайл, – Веронике нужно переодеться, а нам...

– Потом, Кайл, – обрывает его миссис Райдер. – Я сама провожу Веронику. Мальчики, переодевайтесь к обеду. Бартоломею, позаботься о багаже мисс Алфёровой.

Она берет меня под руку и ведет в особняк. Иду, оглядываясь по сторонам. Внутри особняк еще роскошнее, чем снаружи. Высокие сводчатые потолки, украшенные фресками, изображающими сцены из каких-то мифов и легенд. Старинная мебель из темного дерева с замысловатой резьбой. Гобелены на стенах, рассказывающие истории о героях и драконах. Огромные люстры из хрусталя, испускающие мягкий люющий свет. Все это выглядит так, словно я попала в музей, а не в жилой дом.

Миссис Райдер ведет меня через огромный холл, пол которого выложен мраморной плиткой с затейливыми узора-

ми. В центре холла возвышается лестница, кажущаяся бесконечной, с резными перилами и ступеньками, покрытыми алым ковром.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы оказываемся в длинном коридоре, освещенном замысловатыми и явно магическими светильниками, закрепленными на стенах. Также на стенах висят портреты, каждый из которых излучает ощущение аристократической гордости и власти. Я чувствую себя не в своей тарелке, маленькой и незначительной в этом великолепии.

Мы проходим мимо нескольких дверей, прежде чем останавливаемся у одной из них. Леонора поворачивается ко мне с теплой улыбкой.

– Вот твоя комната, дорогая. Надеюсь, тебе здесь будет комфортно. Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся обращаться.

Она открывает дверь, и я замираю на пороге. Комната просторная и светлая, залитая солнечным светом, проникающим сквозь огромные окна с видом на парк. Стены выкрашены в нежный кремовый цвет, а на полу лежит мягкий пушистый ковер. В центре комнаты стоит огромная кровать с балдахином, украшенная кружевом и атласными подушками. Рядом с кроватью прикроватная тумбочка с изящным светильником и стопкой книг.

В углу комнаты туалетный столик с зеркалом в золоченой раме и множеством флакончиков и пузырьков с духами и

кремами. В другом углу уютное кресло и небольшой столик, идеально подходящие для чтения или письма. У противоположной стены – огромный шкаф, явно предназначенный для гардероба, гораздо большего, чем мой ничтожный рюкзак.

В комнате есть своя ванная комната, и я вижу проблеск белого мрамора и позолоченных кранов, когда миссис Райдер открывает туда дверь. Это больше, чем комната в общежитии, которая осталась в моем мире. Хотя какое тут может быть вообще сравнение в принципе?

– Здесь есть все необходимое, – говорит Леонора, оглядывая комнату. – Но если тебе чего-то не хватает, скажи мне. Не стесняйся. Теперь располагайся, милая. Обед будет через час.

Она тепло улыбается мне на прощание и выходит, оставляя меня одну в этой сказочной комнате. Я делаю несколько шагов внутрь, чувствуя себя Алисой, попавшей в Страну чудес. Это все кажется таким нереальным, таким далеким от моей прежней жизни. Я подхожу к окну и смотрю на парк, раскинувшийся внизу. Фонтаны, статуи, причудливые цветы... это просто что-то невероятное. Детдомовское прошлое не лучший советчик, оно требует быть настороже и искать подвох, но я отмахиваюсь от него. Не хочу. Хочу насладиться моментом.

Оглядываюсь по сторонам, восхищенно разглядывая каждую деталь. Ковер под ногами кажется таким мягким, что хочется разуться и пройтись по нему босиком. Шторы из тя-

желого бархата наверняка полностью закроют окно, создавая уютный полумрак. На столике возле кресла стоит ваза с живыми цветами, источающими тонкий изысканный аромат. Все здесь дышит роскошью и заботой.

Вдруг раздается тихий стук в дверь. Я вздрагиваю от неожиданности.

– Войдите, – говорю я немного неуверенно.

Дверь приоткрывается, и в комнату входит горничная. Она одета в скромное серое платье ниже колена, белый фартук и кружевной чепчик. Ее образ строг и неприметен, как и полагается прислуге. В руках она держит мой старый потрепанный рюкзак. Кажется, он выглядит еще более жалким на фоне этой роскошной обстановки.

– Добрый день, мисс Алфёрова, – говорит она тихим вежливым голосом, немного запинаясь на моей фамилии. – Миссис Райдер попросила меня принести ваш багаж.

Она ставит рюкзак на пол возле кровати.

– Это все ваши вещи, мисс? – спрашивает она, с любопытством глядя на мой скромный багаж.

– Да, – отвечаю я смущенно, чувствуя, как краснеют щеки. – Это все, что у меня есть.

Горничная не выказывает никакого удивления или осуждения. Она лишь слегка наклоняет голову в знак понимания.

– Позвольте представиться, мисс. Меня зовут Элизабет, я – одна из горничных в этом доме. Если вам что-нибудь понадобится, просто скажите, и я постараюсь помочь.

Я немного расслабляюсь, почувствовав ее искренность.

– Спасибо, Элизабет, – говорю я с улыбкой. – Пожалуйста, называй меня просто Вероника. И... давай без "мисс". Мне это как-то... непривычно.

– Как вам будет угодно, Вероника, – отвечает Элизабет с учтивой улыбкой. – Зовите меня просто Лиззи. Буду рада помочь вам освоиться в этом доме. Теперь я пойду, чтобы не мешать вам. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь звать.

Лиззи делает легкий поклон и выходит из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Я смотрю на свой рюкзак, лежащий у подножия роскошной кровати. Он выглядит таким одиноким и потеряннным в этом великолепии. Но теперь у меня есть Лиззи, и, может быть, с ее помощью я смогу немного освоиться в этом новом для меня мире. Хочу принять душ и переодеться, также передохнуть, а потом уже вещи разбирать, их не так уж у меня и много.

Направляюсь в ванную комнату, предвкушая долгожданное расслабление. Открываю дверь и замираю от изумления. Это не просто ванная комната, это настоящий спа-салон! Стены облицованы белым мрамором, от которого исходит легкое сияние. Пол устлан мягким ковром молочного цвета. В центре комнаты огромная овальная ванна на изогнутых ножках, словно из сказки.

Вдоль стены – туалетный столик с огромным зеркалом, в котором сияют отражения множества баночек и флакон-

чиков. Разноцветные склянки с маслами, кремами, лосьонами... Кажется, здесь есть все, о чем только можно мечтать для ухода за кожей. Возле зеркала полочка с множеством полотенец, сложенных в аккуратные стопки. Белые, кремовые, нежно-розовые... Все они выглядят такими мягкими и пушистыми, что хочется к ним прикоснуться.

Растерянно оглядываюсь в поисках душа, но его нет. Зато есть ванна, и после увиденного великолепия различных средств для купания, я не сильно расстроилась. Открываю кран, и из него тут же льется горячая вода, наполняя ванну паром. На полочке обнаруживаю баночку с морской солью, бутылочку с пеной для ванн и пузырек с душистым маслом. Недолго думая, высыпаю соль в воду, добавляю щедрую порцию пены и несколько капель масла. Вода мгновенно окрашивается в нежно-голубой цвет, а воздух наполняется восхитительным ароматом.

Раздеваюсь и погружаюсь в теплую благоухающую воду. Закрываю глаза и расслабляюсь, отпуская все тревоги и заботы. Мир за пределами этой ванны перестает существовать. Есть только я и это блаженство.

Выхожу из ванной, чувствуя себя обновленной и отдохнувшей. Заворачиваюсь в огромный банный халат, мягкий и теплый как облако. Возвращаюсь в комнату, иду к туалетному столику. Сажусь перед зеркалом и начинаю изучать содержимое флакончиков. Открываю один, другой, третий... Понюхав их, выбираю аромат, который мне больше всего по-

направился.

Расчесываю свои спутанные волосы и начинаю раскладывать свои скромные вещи в шкаф. Внутри него много места, и мои немногочисленные наряды кажутся в нем совсем потерянными. Развешиваю на плечики выданную мне сегодня школьную форму, единственное более-менее приличное платье, которое у меня есть, надеваю на себя, складываю нижнее белье и носки в ящик комода. С тоской смотрю на пустые полки шкафа. Когда-нибудь я их заполню, обязательно.

Пока я заканчивала, в дверь постучали.

– Войдите, – говорю я, вздрагивая от неожиданности. И когда меня перестанет пугать стук в дверь? Надо как-то попытаться успокоиться. Здесь меня никто не найдет. Просто не догадаются, что я могла сюда поехать. Да и зачем им искать меня? Ну, не выгорел куш с наследством, не будут же директриса со своим любовником гоняться за мной по всему миру?

Дверь открывается, и на пороге появляется Лиззи.

– Вероника, миссис Райдер просила меня проводить вас в столовую. Обед уже подан.

Я киваю, выхожу из комнаты и следую за Лиззи по коридорам этого огромного дома. Сердце начинает учащенно биться от волнения.

Лиззи ведет меня по этим бесконечным коридорам, увешанным картинами и гобеленами. Каждый поворот – словно

новая страница книги, раскрывающая передо мной историю этого древнего поместья. Но, вместо того чтобы восхищаться, я чувствую, как внутри нарастает тревога. Чем ближе мы к столовой, тем сильнее сжимается сердце.

"Дыши, Вероника, дыши", – говорю я себе. Старайся казаться уверенной. Не выдавай свой страх. Но как тут не бояться, когда ты чужак, попавший в совершенно незнакомый мир?

Наконец мы останавливаемся. Лиззи с учтивой улыбкой распахивает передо мной двери. Я замираю на пороге. Делаю глубокий вдох, пытаюсь хоть немного успокоиться, и переступаю порог.

Боже... Столовая огромна. Длинный стол, застеленный белой скатертью. Серебряная посуда, хрустальные бокалы... Все сверкает и переливается, словно драгоценные камни. В центре стола огромная ваза с цветами. Их аромат дурманит и немного кружит голову. А вокруг стола... Они.

Леонора Райдер теплая и приветливая, но сейчас в ее взгляде читается какое-то беспокойство. Кайл и Лиам. Братья Райдеры. Они смотрят на меня... как волки на добычу. Их взгляды оценивающие, изучающие... и вызывающие неприятный холодок в животе. А рядом с ними... Высокий статный мужчина. Глава семейства - лорд Райдер. Его лицо – непроницаемая маска. Он смотрит на меня... словно я насекомое под микроскопом. Бесстрастно, но пронзительно.

И вдруг... Тишина. Оглушительная тишина.словно вре-

мя остановилось. Мне кажется, я слышу, как бешено колотится мое сердце.

О чем они сейчас думают? Жалеют, что ввязались в это? Или... презирают?

Я чувствую себя маленькой и жалкой под этими пристальными взглядами. Мое детдомовское прошлое кричит: "Беги! Прячься! Не доверяй никому!". Но я стою как вкопанная, парализованная страхом.

Я оглядываю себя. На мне мое единственное приличное платье. Не слишком короткое, не слишком открытое. Что в нем такого? Что вызвало у них такую реакцию?

Внезапно Леонора Райдер вскакивает из-за стола. Ее лицо – воплощение смущения. Она подбегает ко мне, берет меня под локоть и тянет к двери.

– Вероника, дорогая, пойдем со мной, – говорит она. Ее голос тихий, взволнованный. Словно она боится, что кто-то услышит.

Я растерянно смотрю на нее, не понимая, что происходит. Что я сделала не так?

– Миссис Райдер, в чем дело? Что я сделала не так? – отчаяние начинает просачиваться в мой голос.

– О, все в порядке, дорогая, – отвечает она, стараясь улыбаться. Но в ее глазах я вижу тревогу. – Просто... Просто моя семья еще не привыкла к моде немагического мира. И, наверное, не привыкла к такого рода платьям.

Мы выходим обратно в коридор. Лиззи испуганно смот-

рит на нас. В ее глазах немой вопрос.

– Лиззи, что ж ты не сказала ничего? – бросает упрек хозяйка дома горничной, и та лишь смущенно опускает голову.

– Простите, леди, – девушка покраснела и смутилась.

– Но что такого в моем платье? – спрашиваю я. Я почти в отчаянии. Что со мной не так?

Леонора Райдер наклоняется ко мне и шепчет на ухо. Ее голос почти неслышен:

– Дорогая, не обижайся, но у нас так выглядит нижняя рубашка.

Стоп. Что? Мои щеки вспыхивают, словно от пощечины. Я чувствую, как кровь приливает к лицу. Рубашка? Мое единственное приличное платье они считают чуть ли не ночной сорочкой?

– О... – только и могу пробормотать я. Стыд обжигает меня изнутри. Как я могла быть такой глупой?

– Ничего страшного, дорогая, – говорит Леонора. Ее голос мягкий и успокаивающий. – Если ты не обидишься, я могла бы предложить тебе одно из своих платьев. У меня есть несколько легких платьев. Не таких громоздких, как это, конечно, – и женщина кивает на свое платье, – но, думаю, тебе понравится.

Я чувствую себя полной идиоткой, но в то же время бесконечно благодарной этой женщине.

– Да, пожалуйста. Я буду очень признательна, – отвечаю я. Мой голос дрожит. Я бы сейчас провалилась сквозь землю

от стыда.

Сгорая от стыда, я плетусь за леди Леонорой по коридору. Кажется, моя неловкость расплзается вокруг, как невидимое облако, и каждый мой вздох пропитан смущением. Хуже, чем на первом свидании, да и с чего бы мне знать, каково это – быть на первом свидании? Мой опыт ограничивается разве что фильмами и наивными девичьими мечтами. Боже, как неловко!

Лиззи, словно бесшумная тень, скользит за нами следом. Наверное, привыкла к капризам гостей. Её спокойное, чуть отстраненное присутствие должно успокаивать, но отчего-то лишь усиливает ощущение неловкости.

Наконец мы останавливаемся перед дверью. Массивной, словно вход в сокровищницу, украшенной резьбой, настолько тонкой и изящной, что кажется, прикоснись к ней – и она рассыплется в пыль. Леди Леонора улыбается мне так ободряюще, что на секунду я перестаю чувствовать себя некомфортно. Она распахивает дверь и...

– Добро пожаловать в мои покои, Вероника, – произносит она с мягкой очаровательной улыбкой.

Я робко, почти нерешительно переступаю порог и... словно попадаю в другой мир. Совсем не похожий на строгие, выдержанные в одном стиле коридоры особняка. Здесь царит атмосфера уюта и расслабленности. Теплый мягкий свет, льющийся из огромных окон, заливает комнату золотистым сиянием. Кажется, что само солнце решило поселить-

ся здесь. Мебель, обтянутая шелком пастельных тонов, манит присесть и забыть обо всех проблемах. В воздухе витает тонкий, ненавязчивый аромат лаванды и роз. Все здесь дышит женственностью и элегантностью, создавая ощущение гармонии и умиротворения. Так и хочется выдохнуть и просто раствориться в этой красоте.

За основной комнатой виднеется еще одна дверь, приоткрытая, словно заманивая в свои тайны. Леди Леонора с загадочной улыбкой ведет меня туда.

– Это моя гардеробная, – с гордостью, но без тени надменности сообщает она.

Я замираю на пороге, пораженная увиденным. Гардеробная? Да это же дворец для платьев! Целая комната! Шкафы тянутся до самого потолка, полки ломаются от аккуратно сложенных нарядов, вешалки стонут под тяжестью роскошных платьев. Платья всех цветов радуги, всех фасонов. Туфли, словно драгоценные камни, сверкают на специальных подставках. Шляпки, украшенные перьями и лентами, томятся в ожидании своего выхода в свет. Сумочки, маленькие произведения искусства, лежат в ряд, словно солдаты на параде. Кажется, здесь можно заблудиться и провести не один день, изучая все эти сокровища. И тут же в голове всплывает образ моего жалкого рюкзака, набитого парой поношенных вещей... Он кажется таким бедным и одиноким по сравнению с этим великолепием. Даже смешно.

Не трата времени даром, леди Леонора, словно опытный

художник, подходит к вешалкам и начинает перебирать платья. Она берет одно, другое, третье... и внимательно рассматривает их, словно выбирает шедевр для выставки. Её взгляд – взгляд истинной ценительницы прекрасного.

– Вот это, – она берет в руки нежно-голубое платье из тончайшего шелка, которое, кажется, способно просочиться сквозь лучи света, – идеально подчеркнет твои плечи, сделает их более изящными, – а её голос, как нежная мелодия, успокаивает и завораживает. – А вот это, – она демонстрирует элегантное платье с глубоким V-образным вырезом, сшитое из бархата цвета ночного неба, расшитого серебряными нитями, – выгодно подчеркнет декольте, придаст тебе загадочности. А вот это, – она держит в руках платье с приталенным силуэтом из золотистой парчи, словно сотканное из солнечных лучей, – изумительно подчеркнет твою талию, сделает фигуру более женственной. А вот это, – она показывает на изумрудное платье с кружевной отделкой, от которого невозможно оторвать глаз, – прекрасно оттенит цвет твоих волос, сделает их более яркими.

Она словно читает мои мысли, видит меня насквозь, угадывая достоинства и недостатки, о которых я предпочитаю не думать. Я чувствую себя неловко от такого пристального внимания, но в то же время польщенной.

Леди Леонора передает Лиззи несколько выбранных платьев, словно доверяет ей самое ценное сокровище.

– Лиззи, пожалуйста, помоги Веронике выбрать что-ни-

будь подходящее, – произносит она с доброжелательной улыбкой, обращенной ко мне.

Лиззи бережно принимает платья и отходит в сторону, предоставляя мне возможность сделать выбор. Я с трепетом в сердце рассматриваю предложенные наряды. Каждый из них словно произведение искусства, достойное занять место в музее. Они такие красивые, изысканные, непохожие на все те вещи, что я видела в своей жизни. И, конечно, такие далекие от моего старого платья.

После долгих колебаний (как выбрать что-то одно из такого великолепия?) я останавливаю свой выбор на простом, но элегантном платье из мягкого кремового материала. Выглядит вполне скромно, не так ли? Не хочу больше рисковать и привлекать к себе ненужное внимание.

Лиззи, словно добрая фея, помогает мне переодеться. Она ловко и быстро застегивает крошечные пуговицы на спине, аккуратно поправляет складки на юбке, следя, чтобы платье идеально сидело по фигуре. Её движения тихие, уверенные и деликатные. Она относится ко мне с таким вниманием и заботой, словно я важная гостья, а не обычная сирота из детского дома.

Когда я, наконец, смотрюсь в зеркало, то сама едва узнаю себя. Платье как будто создано специально для меня. Оно идеально сидит по фигуре, подчеркивая достоинства и умело скрывая недостатки. Я чувствую себя... другой. Более уверенной, более красивой, более... достойной.

Мы выходим из гардеробной и возвращаемся в основную комнату. Леди Леонора одобряюще кивает, и уголки её губ трогают лёгкая улыбка.

– Прекрасно, Вероника. Это платье тебе очень идёт! Оно подчеркивает твою нежность, – произносит она искренне.

Леди отдает указание Лиззи отнести мое злополучное платье и выбранные ею наряды ко мне в комнату и убрать в шкаф. Я благодарно улыбаюсь Лиззи, и она, молчаливо кивнув в ответ, удаляется.

Когда мы снова выходим в коридор и направляемся в столовую, мои щеки опять начинают гореть от неловкости. Лорд Райдер и его сыновья, должно быть, невероятно голодны, ожидая меня... из-за моей глупости.

– Миссис Райдер, – тихо шепчу я, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Мне так неудобно, что из-за меня вся ваша семья вынуждена ждать.

Леди Леонора нежно берет меня под руку и, мягко сжав мою ладонь, ободряюще улыбается.

– Ну что ты переживаешь, дорогая? Такова уж мужская доля! Всегда и повсюду ждать женщину, – с легкой усмешкой произносит она, и её слова немного успокаивают меня.

Но чувство вины никуда не исчезает. Я все больше хочу поскорее вернуться в столовую и извиниться перед Райдерами. Может быть, им хоть немного понравится это платье. Или, по крайней мере, они не сочтут его чем-то непристойным. Надеюсь...

Глава 3.

Мы входим в столовую снова. И в очередной раз эта groboвая тишина, но на этот раз она пропитана чем-то новым. Смотрят все – лорд Райдер, братья, прислуга, – и в их взглядах плещется... изумление? Да, именно оно. Как будто я внезапно отрастила вторую голову. Но больше всего меня смущает выражение лиц братьев. В глазах сквозит ошеломление, смешанное с чем-то еще. Что-то неопределимое, что-то такое, что я не могу расшифровать. Любопытство? Одобрение? Или... желание? От этой мысли по спине пробегает холодок.

Леди Леонора ведет себя так, словно ничего и не было. Никакого томительного ожидания, никаких долгих сборов. Просто словно мы вышли на минутку и вернулись. Она улыбается лорду Райдеру и сыновьям и занимает свое место во главе стола напротив мужа.

Мне показывают мое место, и я, стараясь не думать о прожигающих меня взглядах, сажусь. За мной тут же задвигают стул, мягко и бесшумно. Поднимаю глаза и вижу Кайла, что прожигает меня взглядом. Справа от меня сидит Лиам, он слегка улыбается, и эта улыбка кажется почти дружелюбной. Спасибо ему за эту маленькую поддержку.

Опускаю взгляд на стол и... паника захлестывает меня с головой. Боже мой, сколько здесь вилок и ложек! Целое вой-

ско! Разные размеры, разные формы, блестящие и угрожающие. Я абсолютно не понимаю, какую из них нужно брать. Мне становится дурно. Я точно пропала. Здесь и сейчас.

Видимо, мой ужас и шок отразились на лице, потому что Лиам осторожно кашляет, привлекая мое внимание. Он слегка наклоняет голову в сторону стола, а потом почти незаметно, но совершенно четко показывает указательным пальцем на конкретный нож и вилку. Те, что нужно взять по мере подачи блюд.

Уф-ф-ф-ф. Гора с плеч. Я с благодарностью смотрю на Лиаму. Искренне надеюсь, что это не слишком заметно. Он действительно спас меня. Но краем глаза я замечаю, как Кайл, что сидит напротив, хмурится и сжимает вилку в кулаке так, что костяшки пальцев белеют.

Что это с ним, интересно? Я удивлена. Он зол? Или просто в плохом настроении? Неужели ему не понравилось, что его брат помог мне? Или что мне вообще понадобилась помощь? Не понимаю. Его взгляд тяжелый, нечитаемый, и от этого мне становится не по себе. Я чувствую себя так, словно совершила что-то ужасное, хотя просто пыталась не опозориться. Кайл смотрит на меня так, будто собирается убить просто взглядом, и мне очень некомфортно. Лучше просто опустить глаза и делать вид, что ничего не происходит. Так, наверное, будет лучше.

Обед начинается. Мне приносят блюдо. Какой-то изысканный крем-суп с гренками. Я с трудом удерживаю ложку

в руке, мои пальцы дрожат. Стараюсь есть тихо и аккуратно, чтобы не расплескать ни капли, но получается не очень. Кажется, что каждый глоток слышен на весь зал. Я чувствую себя под микроскопом, каждый мой жест, каждое движение рассматриваются и оцениваются.

Леди Леонора изо всех сил пытается вовлечь меня в разговор. Задает вопросы о моей жизни, о моих интересах, о моих планах. Но я настолько напряжена, что не могу выдавить из себя ни слова. Мой язык словно приклеился к нёбу. Я отвечаю односложно, тихо, почти шепотом. Чувствую себя полной идиоткой.

– Вероника, вам нравится наша местность? – спрашивает леди с мягкой улыбкой. Я поднимаю взгляд и мотаю головой. И тут же думаю: "Что же я наделала? Нужно ответить!"

– Д-да, очень красивое места, – нервно отвечаю я.

Мне кажется, что я говорю какую-то чушь, и краснею еще больше. Хочется просто провалиться сквозь землю, исчезнуть, испариться. Ненавижу этот обед, ненавижу эту обстановку, ненавижу себя.

Наконец, после, как мне кажется, целой вечности, обед завершен. Я готова расплакаться от облегчения. Леди Леонора встает из-за стола и обращается к сыновьям.

– Кайл, Лиам, покажите Веронике наш сад. Уверена, ей будет интересно, – говорит она с легкой улыбкой.

Кайл смотрит на меня, и в его глазах нет ничего, кроме холода. Он явно не в восторге от этой идеи. Лиам кивает с

готовностью, и его взгляд кажется более доброжелательным. Ну хоть кто-то лоялен.

Мы выходим на улицу. Кайл идет первым, как будто ведет меня на казнь. Лиам немного позади, стараясь держаться рядом со мной.

На улице светит солнце, поют птицы, благоухают цветы. Но я ничего не замечаю. Мое внимание полностью сосредоточено на напряжении, которое витает в воздухе.

Мы идем по дорожке, которая петляет между клумбами и деревьями. Идем молча.

Оба брата выглядят так, будто выполняют неприятную повинность. И я их понимаю. Сама бы не хотела оказаться на их месте. Не понимаю, зачем вообще эта прогулка по саду? Хочу только одного – поскорее вернуться в свою комнату и спрятаться там от всего мира.

Когда мы сворачиваем с дорожки и выходим к озеру, я впервые за сегодня чувствую, как напряжение немного отпускает меня. Озеро тихо плещется, отражая в своей глади небо, и всё вокруг какое-то умиротворяющее. Здесь спокойно. Хотя бы немного.

И тут происходит что-то совершенно непонятное. Кайл, идущий впереди, резко останавливается и быстро оборачивается. Я не успеваю среагировать, врезаюсь в его твердую грудь. Инстинктивно пытаюсь отстраниться, но он хватает меня за плечи и притягивает к себе.

И целует.

Не нежно, не робко, а жадно, с какой-то дикой, почти первобытной жадностью. Он не целует, а кусает мои губы, выпивает меня, словно я живительный напиток. Я ошеломлена. Мозг отказывается обрабатывать происходящее. Что, черт возьми, происходит? Его губы жесткие, требовательные, а руки сжимают мои плечи так, что становится больно.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он не обращает на это внимания. Его поцелуй становится все более напористым, наглым. Я чувствую его дыхание, его силу, его... похоть? Господи, да что это такое?!

Наконец он отрывается от моих губ и смотрит на меня в упор. В его глазах буря эмоций. Желание, гнев, вызов. И что-то еще, что я не могу понять.

Он шепчет, его голос хриплый и низкий:

– Ты же этого хотела, да? Специально в этой... нижней рубашке в столовую пришла, чтобы показать товар лицом?

От этих слов меня словно окатывают ледяной водой. Товар лицом? Да как он смеет?! Ярость – вот что я чувствую сейчас. Ярость, смешанную с отвращением и унижением.

Я смотрю на Лиаму, который всё это время стоял рядом. И по его лицу понимаю... он согласен. Он поддерживает брата. Он думает... они оба думают, что я легкая добыча, что я здесь для этого. Что я...

Не успеваю додумать, как моя рука взлетает вверх и со всей силы обрушивается на щеку Кайла. Звонкая пощечина эхом разносится по саду.

Кайл отшатывается, прижав руку к покрасневшей щеке. В его глазах смесь изумления и ярости. Лиам замирает, словно статую, и смотрит на меня с ужасом.

— Как ты смеешь? — шиплю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Меня трясет от гнева, но я стараюсь держаться спокойно. — Я не знаю, что вы себе надумали, но я не шлюха, и вы не имеете права так со мной обращаться!

Я поворачиваюсь и, не оглядываясь, ухожу прочь от озера, подальше от этих двоих. Хочу бежать, бежать без оглядки, но заставляю себя идти ровно, с гордо поднятой головой. В конце концов, я не сделала ничего плохого.

Мне нужно уйти, спрятаться, забиться в угол и зализать свои раны. Кайл... как он мог? Как он смеет так думать обо мне? А Лиам? Его молчаливое согласие... это даже хуже. Я чувствовала себя такой униженной, такой грязной. Будто меня вымазали в чем-то отвратительном и теперь все вокруг видят это.

Наконец я добираюсь до своей комнаты. Запираю дверь на ключ, будто это может защитить меня от воспоминаний, от боли, от презрительных взглядов. Прижимаюсь спиной к двери, чувствуя, как предательские слезы подступают к горлу.

Я сдерживаюсь. Не хочу плакать. Не хочу показывать свою слабость даже самой себе. Нужно быть сильной, нужно выдержать это. Но... слишком тяжело.

Делаю несколько шагов вглубь комнаты, чувствуя, как но-

ги становятся ватными. Падаю на кровать лицом в подушку, и вот тогда поток слез прорывается наружу.

Я плачу, захлебываясь рыданиями. Плачу от обиды, от унижения, от злости. Плачу от жалости к себе и несправедливости судьбы. Плачу оттого, что чувствую себя такой беспомощной.

Я реву как раненый зверь, давая волю всем своим эмоциям. Подушка впитывает мои слезы, звук моего плача приглушен. Мне кажется, что я плачу целую вечность. Выплакиваю всю боль, всю обиду, всю ненависть.

Когда слезы немного стихают, я тяжело дышу, чувствуя, как все внутри меня болит. Лицо горит, глаза опухли, голова раскалывается. Я чувствую себя совершенно разбитой, опустошенной.

Вдруг раздается стук в дверь. Мое сердце замирает от страха. Неужели это они? Неужели они пришли, чтобы унижить меня еще больше?

Я замираю, не двигаясь и не дыша. Молчу, надеясь, что они уйдут. Но стук повторяется, настойчивее и громче.

– Вероника? Вероника, это я, Лиззи. Ты в порядке? – слышу я тихий обеспокоенный голос.

Лиззи? С облегчением выдыхаю. Это не братья. Это всего лишь Лиззи.

Поднимаюсь с кровати, вытираю слезы с лица. Стараюсь привести себя в порядок, хотя знаю, что выгляжу ужасно.

– Сейчас, минутку, – хрипло отвечаю я, иду к двери и от-

пираю её.

Я открываю дверь, стараясь согнать дрожь с губ и изобразить хоть что-то похожее на приветливую улыбку. Но, едва взглянув на встревоженное лицо Лиззи, чувствую, как предательски щиплет в глазах. Она сразу видит, что произошло что-то ужасное. Как иначе? Мои глаза наверняка красные от слез, лицо распухло, а под глазами залегли темные тени. Я выгляжу как побитая собака.

– Вероника, что случилось? Ты выглядишь... неважно, – говорит она мягко, и в ее голосе слышится искреннее участие. От этого участия мне хочется разрыдаться еще сильнее.

– Все в порядке, Лиззи, – отвечаю я, стараясь собрать остатки самообладания и придать своему голосу хоть какую-то ровность. – Просто немного... устала. Очень долгий день.

Конечно, она мне не верит. В ее взгляде читаются сомнения и беспокойство. Но Лиззи, к счастью, не из тех, кто станет настаивать, когда видит, что человеку нужно личное пространство. Она другая, не такая, как эти... эти аристократы.

– Леди Леонора прислала меня, – говорит она, отводя взгляд и протягивая мне стопку книг, аккуратно перевязанных веревкой, несколько свитков плотного пергамента, чернильницу из темного стекла, наполненную густыми чернилами, и остро отточенное перо. – Она сказала, что завтра ваш первый день в академии, а у вас даже нет необходимых учебных принадлежностей. Она очень о вас беспокоится.

Тяжесть книг в моих руках добавляет веса и моим чувствам. Я испытываю благодарность, смешанную с облегчением. Леди Леонора... даже после этой жуткой сцены, после того, как ее собственные сыновья, по сути, оскорбили меня, она находит возможность проявить заботу. Это совершенно обескураживает.

– С-спасибо, Лиззи, – запинаясь я, голос предательски дрожит. – Передайте леди Леоноре мою искреннюю благодарность. Я... я так признательна ей.

Лиззи молчит несколько секунд, ее взгляд внимательно и обеспокоенно изучает мое лицо. Я чувствую себя как под микроскопом, словно она пытается разглядеть сквозь мою маску усталости истинную причину моего состояния.

– Они обидели вас? – тихо, почти шепотом спрашивает она. Ее вопрос застигает меня врасплох, но я сразу понимаю, о ком она говорит. Братья. Кайл и Лиам.

Волна гнева, горечи и унижения снова захлестывает меня. Яростное желание защититься, спрятаться, убежать от этих воспоминаний.

– Неважно, Лиззи, – отмахиваясь я, стараясь казаться беззаботной. – Просто забудь об этом.

– Но... нужно пожаловаться леди Леоноре, – настаивает она, ее голос становится более твердым. – Она не позволит своим сыновьям так обращаться с гостями. Она всегда поступает справедливо.

– Нет, – твердо качаю я головой. – Я не буду ни на кого

жаловаться. Это... это только усугубит ситуацию.

Лиззи изумленно вскидывает тонкие брови. Ее темные глаза смотрят на меня с искренним непониманием.

– Но... почему? Почему вы просто позволите им это?

Я опускаю глаза, не в силах выдержать ее пронизательный взгляд. Внутри меня поднимается протест, буря противоречивых чувств. С одной стороны, мне хочется кричать, рассказывать обо всем, вывалить на нее всю свою боль и обиду. С другой – непреодолимый страх, отвращение к самой идее жаловаться.

– Я никогда не стучала и начинать не собираюсь, – отвечаю я, стараясь придать своему голосу уверенность, хотя внутри все дрожит.

Лиззи продолжает смотреть на меня с недоумением. Она явно не понимает, о чем я говорю. В ее мире, судя по всему, не существует понятия "стучать". Возможно, в этом доме вопросы решаются иначе, более... прямолинейно. Ее непонимание почти забавляет, хотя мне сейчас совсем не до смеха.

– "Стучала"? Что это значит? – спрашивает она, наконец, нарушая молчание.

Я слабо улыбаюсь, чувствуя, как уголки губ болезненно дергаются.

– Ну... это как жаловаться. Рассказывать о чужих проступках. Выносить сор из избы, так сказать. Это как... доносить, в общем. Понимаешь?

Лиззи по-прежнему смотрит на меня с недоумением, но

теперь в ее взгляде появляется искорка понимания. Видимо, она медленно осознает, что я имею в виду.

– Понятно, – говорит она после долгой паузы. – Но даже если так, разве леди Леонора не должна знать, что произошло?

Я отрицательно качаю головой.

– Нет. Не думаю. Не будем об этом, – говорю я, стараясь сменить тему и отвлечься от неприятных воспоминаний. – Я просто... немного нервничаю перед завтрашним днем. Все-таки первый день в академии, новое место, новые люди... Это все немного пугает.

Мои слова мгновенно заставляют меня вспомнить еще об одной насущной проблеме.

– Ох, я же совсем забыла! Я даже не примерила форму, которую мне выдали! – восклицаю я, хлопнув себя по лбу. На мгновение мне даже удается улыбнуться по-настоящему.

Лиззи оживает, ее глаза загораются интересом.

– Давай примерим! – предлагает она с энтузиазмом. – Может быть, придется немного подшить или ушить. Я хорошо шью, так что не волнуйтесь.

Я киваю, чувствуя, как мое настроение немного улучшается. Эта обыденная забота, предложение помощи – это именно то, что мне сейчас нужно. Хотя какое-то занятие, какая-то возможность отвлечься от терзающих меня мыслей и неприятных воспоминаний.

– Хорошо, – соглашаюсь я и, схватив из шкафа форму,

добавляю: – Я сейчас примерю и выйду.

Пройдя в ванну, я быстро снимаю платье и надеваю блузку, юбку и пиджак. Форма академии... нечто, что должно вселять уверенность, а пока лишь напоминает о моей неловкости, так как она мне невероятно велика. Подозреваю, что из-за моего наряда оверсайз кладовщица, выдавшая мне ее, неправильно оценила мои размеры. И теперь, чтобы не потерять юбку, мне нужно ее придерживать рукой. Так я и выхожу из ванной комнаты и по взгляду служанки понимаю, что выгляжу, мягко говоря, нелепо. Я подхожу к зеркалу и поджимаю губы, понимая, что и в самом деле похожа на пугало, а не на ученицу магической академии.

– Ох... – только и могу произнести я, с разочарованием и досадой глядя на своё отражение. Все мои надежды на то, что я смогу почувствовать себя уверенно одетой соответствующим образом, разбились вдребезги.

Лиззи прикусывает губу, стараясь сдержать смех, который, судя по блеску в ее глазах, вот-вот вырвется наружу.

– Да... немного великовата, – констатирует она очевидное с ноткой иронии в голосе. – Но не волнуйтесь, Вероника. Я что-нибудь придумаю. Подшить или ушить – это для меня не проблема. Главное, чтобы вы чувствовали себя комфортно и уверенно. Нельзя позволить какой-то одежде испортить вам первый день учебы!

Я вздыхаю, чувствуя, как внутри поднимается волна бессилия. Похоже, что все, абсолютно все сегодня идет напере-

косяк. Словно злой рок преследует меня по пятам, подбрасывая новые и новые испытания. Но, может быть, Лиззи и правда сможет что-то сделать? Она выглядит уверенно, по крайней мере, я искренне надеюсь на это. Я просто ужасно устала чувствовать себя не в своей тарелке. Мне отчаянно хочется хоть ненадолго почувствовать себя нормальной.

Глава 4.

Мне кажется, я и проснулась, потому что мое сердце норовило выпрыгнуть из груди. Неужели у меня в этом мире развилась тахикардия? Или просто я так сильно нервничаю из-за предстоящего первого учебного дня?

Я лежала, уставившись в резные завитки на потолке, и пыталась вдохнуть поглубже, чтобы унять эту глухую тревогу, пульсирующую в висках. Утро. Первый день.

Воспоминания накатили волной, яркой и нестерпимо болезненной. Вчерашний вечер: мои красные глаза в зеркале, ощущение полной незащитности, как будто с меня содрали кожу. И эти огромные мешковатые складки формы, в которых я утонула, как ребенок в отцовском пальто. Я сжала кулаки под одеялом. «Это не я», – прошептала я в тишину комнаты. Обычно я не плачу. Обычно я зубами вцепляюсь в проблему и тащу ее, пока она не сдастся или не разорвется пополам. Детдом научил смотреть неприятностям прямо в лицо, потому что отворачиваться было смертельно опасно. Бегство, слабость, жалобы – все это тут же делало тебя мишенью.

А вчера... вчера я бежала. От братьев, от их холодных колючих насмешек. И чуть не расплакалась перед служанкой. Мысли возвращались к Лиззи. К ее тихому, но твердому голосу: *«Не волнуйтесь, Вероника. Я все поправлю к утру. Вы*

будете выглядеть отлично, вот увидите». Ее спокойная уверенность успокоила и меня. Она не лезла с расспросами, не причитала. Просто взяла и пообещала сделать дело. Эта простая, честная помощь успокоила больше, чем любые слова.

«Соберись, – приказала я себе мысленно, откидывая одеяло. – Ты не трусиха. Ты пережила и худшее. Неважно, как долго ты здесь пробудешь – день, месяц или всю жизнь. Но пока ты здесь, ты будешь стоять ровно. Учеба – это твой шанс. Единственный шанс что-то понять, освоиться, перестать быть беспомощной мышкой».

Эта мысль, жесткая и решительная, поставила меня на ноги. Я встала, потянулась, чувствуя, как по спине пробегает знакомая боевая дрожь вместо вчерашней истеричной.

Умыться холодной водой было шикарной идеей, так как ледяные брызги на лицо смыли последние следы сна и самоедства.

Я уже выдавила из тюбика зубную пасту, когда в дверь постучали. Легко, но настойчиво. «Лиззи с формой!» – мелькнуло у меня, и сердце екнуло от облегчения и предвкушения. Я поторопилась, стараясь быстрее прополоскать рот, чувствуя себя немного неловко из-за задержки. Плеснула еще воды на лицо, промокнула его краем полотенца и, едва сглотив, бросилась к двери.

Распахнула ее с готовой улыбкой благодарности. В коридоре было пусто.

На мгновение я замерла, оглядываясь. И только потом

опустила взгляд. У самого порога стояла невысокая деревянная тележка на колесиках. На верхнем подносе – завтрак под серебряным колпаком, маленький кофейник, от которого шел дразнящий аромат, кувшин с соком, булочки, каша с ягодами. А на нижней полке, аккуратно сложенная в идеальную стопочку, лежала моя форма.

Я осторожно закатила тележку внутрь, закрыла дверь и первым делом взяла в руки блузку. Ткань была плотная, приятная на ощупь. Я развернула ее. И не смогла сдержать тихого восхищенного вздоха. Лиззи не просто «подшила». Она волшебным образом за одну ночь превратила мешковатое изделие в элегантную, точно скроенную одежду. Швы были безупречны, талия юбки подчеркнута, рукава блузки сидели идеально. Это была уже не чуждая неудобная оболочка, а моя форма. Доспехи на предстоящий день.

Завтрак я съела почти машинально, целиком отдавшись чувству благодарности к моей доброй фее в лице Лиззи. Потом быстро сложила в свой рюкзак учебники, пергаменты, чернильницу. Сердце теперь билось ровно. Не было страха, была сосредоточенность.

Наконец настал момент. Я сняла халат и начала надевать форму.

Прохладная ткань блузки приятно коснулась кожи. Первая пуговица встала на свое место легко. Вторая — уже с небольшим усилием. На третьей я почувствовала странное натяжение. К тому моменту, как я застегнула последнюю пу-

говицу под горлом, стало ясно: что-то не так.

Ткань на груди натянулась, обрисовывая каждую линию так откровенно, что у меня зарделись щеки. Я судорожно надела юбку и едва смогла застегнуть молнию на боку. Она села... иначе. Не по фигуре, а словно сжавшись. Я посмотрела вниз. Подол, который вчера волочился по полу, теперь заканчивалась на добрых десять сантиметров выше колен. Это была уже не строгая ученическая юбка, а нечто дерзкое и неуместное.

В последней надежде я набросила пиджак. Он со скрипом сошелся под грудью, и я с трудом застегнула единственную пуговицу. Дышать стало ощутимо труднее. Я медленно подошла к зеркалу, уже догадываясь, что увижу.

В отражении стояла не я. Стояла какая-то пародия. Блузка, готовившаяся лопнуть по швам на груди. Пиджак, сковывающий движения как корсет. И эта нелепо короткая юбка, открывающая колени и часть бедер. Я выглядела не как ученица престижной магической академии, а как... даже мысль была унижительной. Как будто я надела одежду младшей сестры, да еще и из последних сил в нее втиснулась.

— Нет, — прошептала я, и холодная волна паники подступила к горлу. — Этого не может быть. Она же обещала все подогнать по фигуре. Неужели ошиблась ?

Мысленно я тут же дала себе ответ. Лиззи подогнала форму, но, видимо, убавила мне везде по несколько сантиметров, а может, и того больше. Или мерки сняла неправильно,

или просто в цифры закралась ошибка. Она сделала свою работу безупречно. Вот только работа эта оказалась катастрофой.

«Во чем же мне идти?» — пронеслось в голове, заглушая все остальное. У меня нет ничего другого. Только вчерашнее платье леди Леоноры, слишком нарядное и явно неподходящее для лекций. И все.

Сердце, только что бившееся ровно и спокойно, теперь колотилось где-то в висках, громко и беспорядочно. Я бросилась к шкафу и распахнула его, словно в его темной глубине могло скрываться чудесное спасение. Там висело то самое вечернее платье и несколько пустых вешалок. Никакого запасного комплекта формы. Конечно.

Я прислонилась лбом к прохладной деревянной дверце шкафа, закрыв глаза, пытаюсь заглушить нарастающую истерику. Дышать в этом пиджаке было невыносимо. Я растегнула ту единственную душащую пуговицу, и стало чуть легче, но проблема от этого никуда не делась. Через минуту нужно выходить. Идти по коридорам, полным посторонних людей, а потом в аудиторию, где все будут смотреть. В таком... в таком виде.

И тогда мой взгляд упал на темную складку ткани, лежавшую на полке над платьем. Мантия. Та самая, длинная, из тяжелой шерсти, с бархатным воротником и застежкой-пряжкой. Ее выдали вместе с формой, как часть парадного обмундирования.

Новая мысль, отчаянная и единственная, оформилась в голове. «Если я надену мантию, — подумала я, — и не буду ее снимать весь день, ее длина скроет короткую юбку. А ее свободный крой спрячет эту ужасную обтягивающую блузку и пиджак».

Это не было решением. Это была отсрочка. Маскировка. Но другой у меня не было.

С решимостью загнанного в угол зверя я сдернула мантию с полки. Ткань была тяжелой, внушительной. Я накинула ее на плечи, и темная волна шерсти упала до самых щиколоток, полностью скрыв от глаз и короткую юбку, и пиджак. Я застегнула пряжку у горла. В зеркале теперь отражалась уже другая фигура — закутанная, таинственная, строгая. Лицо, обрамленное темным бархатом, казалось бледнее и серьезнее. Да, в мантии я выглядела немного громоздко и старомодно, но это было в сто раз лучше того кошмара, что скрывался под ней.

План сформировался сам собой, жесткий и четкий: перетерпеть. Не снимать мантию ни на секунду. А после занятий, когда основные потоки учеников разойдутся, спуститься в подвал к той самой добродушной женщине-завхозу, которая вчера выдала мне этот злосчастный комплект. Объяснить ситуацию. Выпросить, вымолить, если придется, еще один комплект, но уже своего размера.

Я глубоко вдохнула, стараясь вдохнуть уверенность вместе с воздухом. Паника отступила, сменившись ледяной со-

средоточенной собранностью. Это была не та уверенность, о которой я мечтала утром. Это была решимость выжить, пройти этот день, не сломавшись и не опозорившись окончательно.

Я поправила складки мантии, взвалила рюкзак на плечо, его лямка неприятно давила поверх толстой ткани, и положила руку на дверную ручку. Мое отражение в зеркале у двери смотрело на меня большими темными глазами, в которых уже не было растерянности. Только упрямая, непробиваемая воля.

«Вперед», — прозвучало в моей голове как приказ. И я толкнула дверь.

Тяжелая мантия шуршала вокруг ног, когда я спускалась по парадной лестнице особняка Райдеров.

Под мантией было невыносимо душно, а лямка рюкзака врезалась в плечо сквозь слои ткани. Я старалась идти прямо, не глядя по сторонам, чувствуя себя нелепым, чужим телом в отлаженном механизме этого дома. В просторном, залитом утренним светом холле у главных дверей уже ждали мои «попечители». Кайл и Лиам Райдер. Они стояли, непринужденно оперевшись о косяк, но в их расслабленных позах я читала привычную, слегка раздраженную покорность. Очень уж им не нравилась роль нянек, и они пытались показать это всем: от выражения лица до манеры говорить и позы. Солнечный луч золотил безупречные волосы Кайла. Лиам, как всегда, был его темной молчаливой тенью.

Мой шаг замедлился. Сделать глубокий вдох в этой шерстяной духоте было сложно. Мне нужно было сесть в их карету. У меня не было выбора. Я была их обузой. Я уже очень жалела, что мне не досталось места в общежитии и я вынуждена жить у них дома и быть их подопечной. Непонятно, кого наказали больше. Их, что обязали присматривать за мной и быть моими кураторами, или меня — тем, что я должна с ними общаться и быть их подопечной.

Они заметили меня одновременно. Кайл повернул голову первым. Его взгляд, привычно-насмешливый, скользнул с моего лица вниз, к темной громоздкой мантии, и замер. Брови медленно поползли вверх. В его синих глазах искренняя растерянность быстро сменилась живым, почти научным интересом: что за новый сюрприз преподнесла им эта диковинка из иного мира?

Лиам повернулся чуть медленнее. Его темные глаза сузились, холодно и оценивающе пробежались по мне с ног до головы. Уголок его рта дрогнул, изогнувшись в едва уловимую усмешку. В ней читалось не просто насмешливое недоумение, а легкое раздражение: «и за этим чучелом еще и нужно приглядывать?»

Ни слова. Но их общий взгляд кричал: «Определенно чуждачка».

Кайл, наконец, сделал изящный, слегка утрированный жест к распахнутой дверце фамильной кареты.

— Мадемуазель Вероника, ваш транспорт к знаниям го-

тов, — произнес он с театральным придыханием. В его тоне сквозила ирония, подчеркивающая всю нелепость ситуации: он, наследник древнего рода, в роли няньки.

Я молча прошла мимо, стараясь не зацепить порог полами мантии, и втиснулась внутрь. Братья последовали за мной, заняв противоположную скамью. Тишина в карете была густой и неловкой. Я уткнулась в окно, делая вид, что пейзажи города всецело завладели моим вниманием.

— Прямо скажем, стильный выбор, — не выдержал Кайл, его голос был легким, но игольчатым. — Мантия летом. Это новая тенденция оттуда, откуда ты? Или в твоих покоях таки завелись ледяные элементали? Выглядишь... как юный архимаг на срочном вызове.

Я почувствовала жар в щеках.

— Просто решила надеть, — буркнула я в стекло. — Утром обычно бывает прохладно.

В отражении окна я увидела, как они переглянулись. Беззвучный диалог: «Она что-то недоговаривает».

Тогда заговорил Лиам. Его тихий голос разрезал воздух резче, чем возглас брата.

— Мать устроила нам утреннюю взбучку для бодрости, — сказал он, глядя прямо на меня. Его взгляд был непроницаемым, как черный лед. — На тему ответственности. И правил поведения с гостем дома. Особенно с гостем, который находится под нашей опекой.

Я насторожилась, медленно поворачиваясь к нему.

— При чем тут я?

— При том, — холодно отчеканил Лиам, — что после вчерашней... прогулки в саду ты, по словам матери, выглядела расстроенной. Что наводит на мысль о нашем недостойном поведении. Нам было приказано извиниться.

В его голосе не было ни капли сожаления. Только плохо скрываемое раздражение от необходимости выполнять этот унижительный ритуал из-за меня.

— Я ей ничего не говорила, — выпалила я, и в груди что-то болезненно сжалось. — Я не жаловалась.

— Разумеется, — протянул Кайл, разглядывая свои идеальные ногти. — Просто материнская интуиция. Или, может, служанки оказались болтливей, чем мы думали. Впрочем, какая разница? Суть в том, Вероника, что из-за тебя нам влетело. И теперь мы оба на тебя сердиты.

— Мы не ябедничали в детстве и не собираемся начинать сейчас, — добавил Лиам, и в его словах впервые прозвучала открытая претензия, острый шип недовольства, направленный прямо в меня. Он был уверен, что это я каким-то образом, намеренно или нет, навлекла на них гнев матери. Его «извинение» было бы пустой формальностью, очередной обузой.

Я открыла рот, горя желанием крикнуть, что мне плевать на их выговоры, что я не просила их опеки, но карета в этот момент резко остановилась. Мы прибыли.

Я почти вывалилась наружу, жадно глотая воздух, свобод-

ный от тяжести шерсти и давящей атмосферы их невольной опеки.

Внутренний двор Академии Дракона встретил меня знакомой до боли социальной механикой. У парадного крыльца кареты с гербами вроде нашей. Из них выходили ученики, чья форма выглядела как часть их кожи, чьи жесты говорили о многовековой принадлежности к этому миру. Их встречали, им кланялись. Дальше от ворот шли те, кто был скромнее — одежда попроще, но взгляд тверже. И основной поток — кипящая масса студентов — вырывался из дверей общежитий. Их жизнь была здесь, в этих стенах.

Расслоение. Оно висело в воздухе, плотное и неоспоримое, как и в немагическом мире. Та же иерархия: те, кто приехал из дома (как я, благодаря чужой милости), те, кто пришел пешком, и те, кто живет в казенном доме. Только вместо машин — кареты, вместо кроссовок — сапоги. Декорации магические, суть старая как мир.

Я стояла, закутанная в свой нелепый камуфляж, и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Я была здесь чужой вдвойне: и как выходец из иного мира, и как нахлебница в доме Райдеров, обуза для их сыновей. Сделала себе пометку, что надо как можно скорее сходить и узнать, когда смогу получить место в общежитии, понимая, что ремонт так быстро не делается, но хотя бы напомнить о себе нужно.

Глава 5.

Шум студенческой толпы в большом парадном зале Академии Дракона был оглушительным. Под высокими стрельчатыми сводами, расписанными фресками с драконами, звёздами и сложными магическими символами, гудел, смеялся и перекликался целый рой чёрно-салатово-золотых мундиров. Я шла по краю этого моря, зажатая, как преступник между двумя конвоирами.

Ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.